

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

УВИДИМСЯ В КОНЦЕ ПУТИ

СТР.14-17

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

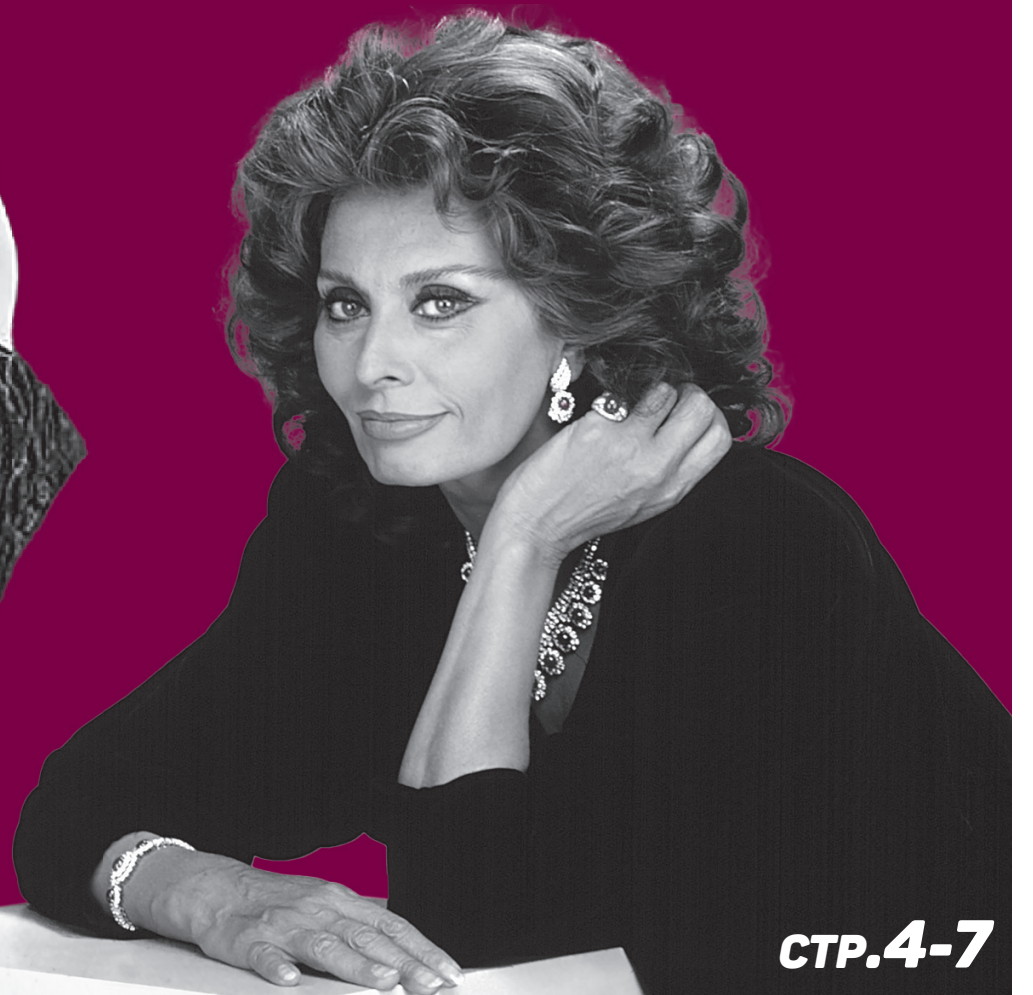
№38 (223)
СЕНТЯБРЬ 2024

Бульварные НОВОСТИ

СТР.8-11

СИМВОЛ КРАСОТЫ

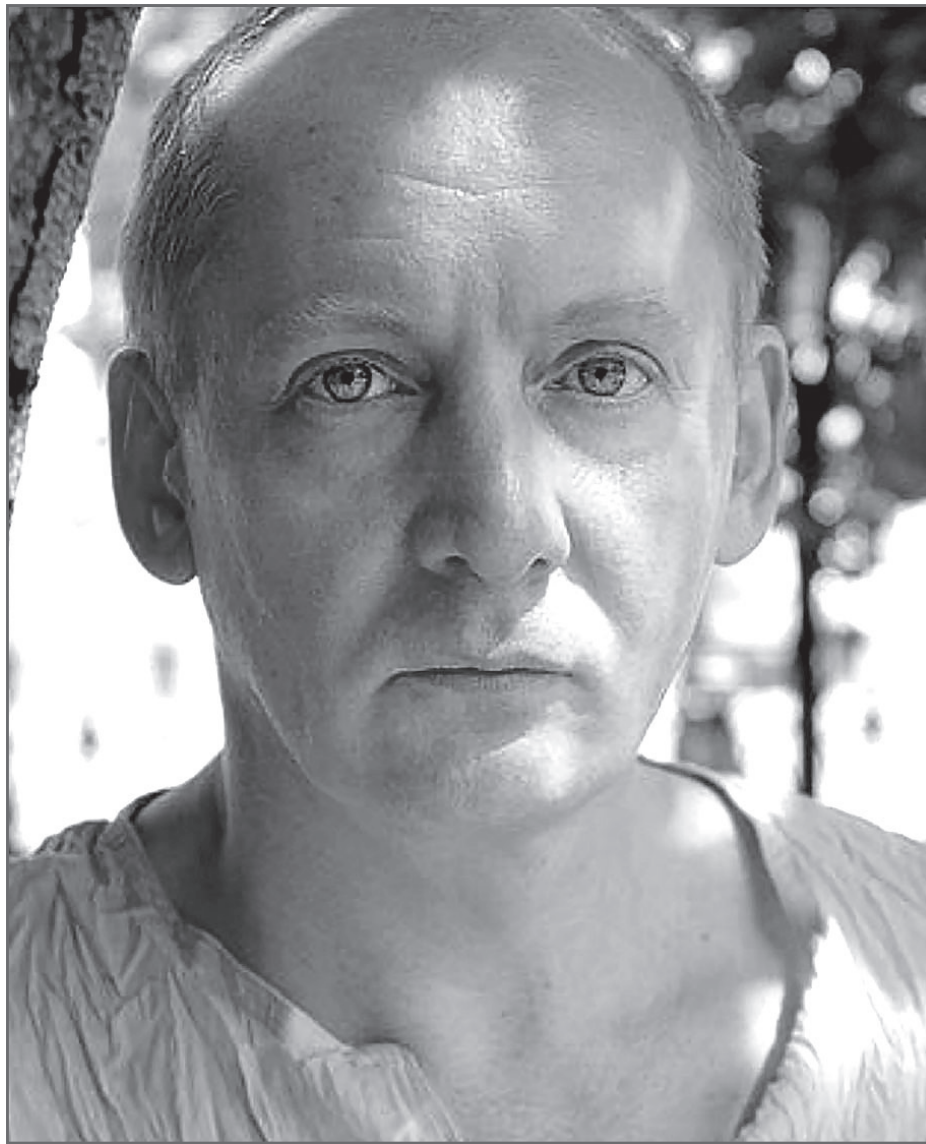
ГЛАВНЫЙ ЗЛОДЕЙ

СТР.4-7

ГЛАВНЫЙ ЗЛОДЕЙ

Виктора Вержбицкого называют «главным злодеем российского кино». Но на самом деле он белый и пушистый. Его запомнили как Завулона из «Дозоров». Но и сейчас что ни премьера, то главный плохиш - обязательно Вержбицкий... Если раньше злодея в кино мы представляли себе только как человека с лицом маргинала, то в современном кинематографе злодеи приобрели лоск. И как говорят сами актеры, плохих парней играть интересней - образ сочнее. Эпоха такая?

Геннадий Норд

- Ампула злодея приклеилась к тебе с «Дозоров»?

- Да. Мы с Тимуром Бекмамбетовым тогда были абсолютными пионерами в этом жанре и совершенно не прогнозировали результат, который в конце получили. С тех пор у меня такое ам-

В Ташкентском театре драмы

пула - злодей злодеевич. В каждой новой роли плохого парня хочется найти свою характеристику и свой мотив действий, поступков героя. Поэтому, соглашаясь на роль, я стараюсь не повторяться. Ищу в образе что-то новое, интересное. Мой герой в фильме «На игре» все время говорил:

- Красиво!

Он искал красоту в мыслях, в окружении и, что страшно, в смерти. Хотел убийства довести до элегантности. Видел в этом художественный образ, так как сам человек творческий. Ну, разве не интересно сыграть такого персонажа!

- Переиграл столько злодеев, каждый раз по-актерски оправдывая их, как ты считаешь, есть ли оправдание злу?

- Нет, конечно. Есть оправдание только стремлению к цели, к активной жизни, к движению. Но тут возникают вопросы: какова цель, каковы способы ее достижения, какими поступками и средствами человек этого добивается? Тот, кто на что-то нацелен, обладает очень активной, сильной энергетикой. И по жизни эти люди очень азартны.

Вот и получается: чем мой Злодей в кино будет хуже, тем Герой должен быть сильнее.

- Актеры, которые играют злодеев и негодяев, в жизни - самые приличные люди.

- Да, да, да. Абсолютно так и есть.

- Наверняка, ты был отличником, но тебе всегда хотелось с рогаткой по сараям поноситься.

- Ну, может быть, да. Хотя отличником я никогда не был. Я чистый гуманитарий, занимался в драмкружке. А к точным наукам способностей не обнаружил. Я был закрытым ребенком, некоммуникабельным, необщительным. Возможно, я защищался таким образом от того мира, сохраняя какое-то личное пространство и копил...

- Копил?

- Да, наблюдал и копил эмоции, собирая их впрок. Злого во мне абсолютно

ничего нет. Я не знаю, может быть, сейчас, будучи актером, я переживаю некий обменный процесс, через роли я как раз обнаруживаю все свои плохие качества. Поэтому в жизни я расположен только на доброе и светлое.

- Ты не завидуешь тем из наших актеров, кто снимается в Голливуде?

- Я? Нет. Искусство - это не спорт. Как мне кажется, состязательности или конкуренции в нем не должно быть. У каждого своя ячейка, и дело случая, везения, когда твоя ячейка будет востребована. Пока это востребовано так, как оно есть, и я этим доволен. Может быть, завтра будет востребовано по-иному.

- Почему ты выбрал актерскую профессию?

- Выбора, как такого, не существовало. В этом и вся прелесть. Не было каких-то ограничений, мне не приходилось ничего выбирать, ломать голову, куда поступать. Дело в том, что я из категории так называемых театральных детей. Моя бабушка работала костюмером в театре. Мама, участковая медсестра, когда бегала по участку, оставляла меня в театре у бабушки. Поэтому вырос на сундуках театральной мебели, театральных костюмов.

Вот говорят «запах кулис», он для меня не эфемерный, а абсолютно конкретный. Это когда лаком покрашена мебель, это когда пахнет нафталином, это когда есть какая-то театральная пыль. Для меня это не романтическая категория, а бытовая, натуралистическая.

- Ты сильно волновался, когда вышел твой первый фильм или первый спектакль?

- Очень сильно! А вообще мой как бы предполагаемый дебют не состоялся. Опять возвращаясь к детству. В театре шел спектакль на военную тему. Там был дежурный пробег мальчика - пастушонка, который пасет коров, а над ним пролетает немецкий мессер и мальчика убивает. Получилось, что заболел ребенок, который все время играл эту роль, и попросили меня. Мне было лет шесть

С Анатолием Белым

- семь. Я жутко испугался, помню, даже спрятался куда-то. Не знаю, как они выкрутились из этой ситуации, но выйти на сцену я не мог. Первое впечатление о театре и о роли - жуткий испуг. Да и потом трудно было. Может потому, что вырос в театре, очень ответственно к этому подходил и очень боялся. Поэтому поступал не с первого раза, в первый год даже не поехал в Москву. У меня все время была какая-то ответственность. Начало этого пути было очень большим волнением.

- А сейчас волнуешься?

Конечно. В каждом периоде творчества есть свои волнения. Раньше были волнения не забыть текст или чтобы ноги не дрожали. Потом было волнение другое, чтобы свою роль грамотно, талантливо донести. Сейчас волнение - хватило бы сил.

А роли большие и ответственные. Особенно когда одновременно снимаются два фильма, выпускается спектакль в театре и вечером еще спектакль в антрепризе. Вот задача: верно себя распределить. И волнение идет другого порядка - не перепутать одно с другим.

- А что тебя больше притягивает - театр или кино?

- Больше театр, но в данный момент его меньше. Конечно, любовь к театру сильнее. Но в данном случае, по сегодняшней ситуации, не мне ближе, а ко мне ближе кино, театр подальше пока. Вроде налаживается, выпрямляется сейчас ситуация, но в театре антрепризном, в своем театре я не так много занят.

- Какие роли тебе импонируют?

- Знаешь, вкус меняется со временем. Раньше хотелось играть, конечно, главные роли. Потом пришло ощущение, что главное - это не размер роли, а талантливое произведение, в котором ты участвуешь. Потом ощущение было, что главное, конечно же, режиссер. Правильно говорят:

- Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры.

Но у меня товарищ очень верно перефразировал эту фразу:

- Нет маленьких ролей - нет маленьких

актеров. Есть маленькие роли - есть маленькие актеры.

Это очень точно. Сейчас приходит ощущение, что мне интереснее работать с командой. Когда ты сходишься с человеком по уровню, по общению, по контакту, по таланту, по общему интересу к этому произведению.

Вот, например, это было в «Турецком

С Геннадием Нордом

Гамбите». У меня самые хорошие и замечательные воспоминания об этом периоде жизни, о работе в этой картине. Там сложилось все: и талант, и профессионализм, и замечательная компания. Замечательный режиссер, все актеры талантливые. Обо всем могу говорить в превосходной степени, потому что все сошлось.

Сейчас, когда выбираешь роль, не обращаешь внимания на состояние этого проекта, большой он или маленький, дорогой или не дорогой. Мне кажется, при талантливом сообществе можно сделать талантливую работу.

- Давай о «Турецком Гамбите» поговорим. Смотрел картину? Как тебе

С Дарьей Мороз

конечный результат работы?

- Я был на премьере. Мне кажется, это очень профессиональная работа. Естественно, это мое субъективное мнение. Вообще, очень трудно смотреть на себя со стороны. Можно, конечно, абстрагироваться, но всегда видишь, что находится за стенкой экрана, что по эту сторону. Всегда вспоминаешь, как снимал-

Дружим с 1980 года, и все наши работы всегда были вместе, начиная с рекламы «Империял Банка» и заканчивая художественными фильмами «Пешаварский вальс», «Гладиатрикс», два «Дозора». Тимур не обходится без меня, во всех его художественных картинах я присутствую, я в курсе его планов и замыслов.

То, что буду работать в «Дозоре», я знал. Но только не знал, какую роль буду играть.

То, что касается «как работалось»? С Тимуром работать всегда интересно, несмотря на прошествие времени. Ведь, когда есть дружба, начинаешь как-то предугадывать, чувствовать друг друга. Но в отношении творчества с Тимуром этого никогда не произойдет - это всегда фонтан, море фантазии, всегда необычные задачи, которые могут спонтанно рождаться на площадке. А ты, как выразитель его идей и мыслей, должен это воплотить. Поэтому на съемках всегда присутствовала экстремальная ситуация. В этом-то и интерес, это постоянно тебя подбадривает.

А мы шли в полную неизвестность: не ведущий жанр в кино, это раз, море фанатов и поклонников Лукьяненко, это два, необычный прием съемки. Так можно долго перечислять.

Мы были на фестивале в Берлине, и все спрашивали:

- А Вы ожидали такой успех, такой результат?

Мы абсолютно не ожидали и никак его не прогнозировали. Эта была как бы проба. Но вот такой результат никто не предполагал.

- Приятно, что так получилось?

- Это неожиданно, это приятно. Тем более, когда начинали второй «Дозор», была большая ответственность. Поэтому старались существовать немножко не в том жанре, который был в первом «Дозоре». Ведь публика очень серьезно все это восприняла: «мистика... нет ли где вампиров...».

Окончание на с. 10

С Иваном Ургантом

С Юлией Пересильд

С Кларой Новиковой и Виктором Раковым

С Александром Пороховщиковым

Окончание. Начало на с.9

Мы решили немножко разбить это и иронизировать. Во второй картине больше комичного, очень много иронической и человеческой ноты, чтобы немножко сбить коды.

Мне кажется, когда читаешь фантастику Лукьяненко, к этому нельзя относиться серьезно. Я не поклонник этого жанра и когда читаю, могу поприкалываться над этим. Но не воспринимать всерьез, как фанаты. Их можно, конечно, уважать за это, но я не воспринимаю этого. Я, скорее, отношусь к этому, как к комиксу, а не как к серьезной ситуации, которая происходит в этом романе.

- А то, что твой персонаж такой «темный», как к этому отнесся?

- Очень хорошо к этому отнесся, ведь все это по теории относительности. Когда мы понимаем, что это плохо? Когда это не соответствует нашему хорошо. Только так все кривят душой. Это я сейчас говорю, как артист, который играет эту роль и старается ее оправдать. Поэтому поступки героя оправдываю той нормой жизни, которая находится в нем.

А почему это плохо? Я не считаю, что это плохо. Просто это не входит в разряд вашего хорошо. Была такая сложность: он все равно персонаж знаковый. Вот как Гесер - хороший, Завулон - плохой. Мне этого плохого нужно было сделать понятным, телесным. То есть этот знак, этот скелет насытить какой-то жизнью. Стали фантазировать, как бы это могло быть. Я, например, придумал собаку. По-моему, ее нет в произведении. Собака, которая все время рядом со мной. Потом думал, кем бы мог быть мой герой, если они живут по две тысячи и более лет. И Гесер, и Завулон, кем бы они могли быть в прошлой жизни? Чтобы не уноситься в средние века, я придумал... Допустим, он моего возраста, чуть постарше, вот кем он был десять или двадцать, или тридцать лет назад, то, что у нас еще в памяти. В какие-то советские времена. Вот и придумал, что, если Гесер был каким-нибудь секретарем райкома, то Завулон в той ситуации был непременно диссидентом или космополитом, или

С Тимуром Бекмамбетовым

ещё позже, лет через десять, хиппи. Это нормальные течения, это нормальные отношения к коммунистической стране, к Советскому Союзу. Это провокационные проявления, очень индивидуальные. Поэтому кем бы он мог стать сегодня? Отсюда это повторение истории и как мы сейчас понимаем какую-то правоту и демократичность этих хиппи и диссидентов, и прочих изгоев.

Вот я как бы это понятие «Изгой», старался оправдать в положительную сторону. Отсюда и какое-то ироническое отношение к ситуации или к Антону Городецкому, который теряет амулет, ошейник. И ничего не изменится, я очень убежден в своей правоте. Но история не может закончиться, ведь, добро и зло вечны. Одно без другого не может существовать. Ведь, не будь меня - Завулону, не будет и Гесера, не будет и «инога» человека Антона Городецкого. Ведь, ему некуда будет метаться. История в этом смысле вечная. Вот в этом есть какая-то мистика и игра. Ничто не кончается: и искушения, и хорошее и плохое - всегда рядом. Это, наверное, содержание любого человека. В каждом из нас есть Гесер и Завулон, которые тебя тянут в разные стороны.

- Как началась твоя кинокарьеря?

- Она началась с «Сибирского цирюльника». Играл я адъютанта Великого Князя. Видимо, первое впечатление самое сильное. Я, можно сказать, сверяю остальные картины с этой. Это был абсолютно европейский высокий уровень во всем: и в художественном плане, и в техническом. Пока эталоном по профессионализму и таланту работы в кино для меня являются съемки в «Сибирском Цирюльнике».

- Чем занимаешься в свободное время?

- В свободное время обычно лежу, люблю это дело. Читаю, смотрю телевизор, абсолютно пассивный. Сначала, когда у меня не было съемок, я очень тревожился. Работал, работал, работал, фильмы, премьеры. И вдруг какая-то тишина. И не привычно, ритм ломается. А сейчас в него вошел. Понял, что за время работы отдых необходим, такая релаксация нужна.

- Какую литературу предпочитаешь?

- Сейчас у меня Тургенев. Это тоже, наверное, из разряда релаксации. Не хочется, чтобы это выглядело пошло, но,

мне кажется, что классическая литература сейчас - это какая-то чистка организма, можно проветрить свои мозги.

- Есть у тебя вредные привычки?

- Не могу избавиться от курения. Никак не могу от этого избавиться. Еще, не знаю это вредная привычка или нет, опять-таки в силу своей работы, очень мало что делаю по дому. Это лень. Вот бы улеться, поваляться, почитать, посмотреть телевизор. Вот такое не очень активное проявление хозяина в доме.

- А недостатки?

- Опять-таки, может, это в силу воспитания или даже не знаю в силу чего. Знаю, что это очень плохо. Я не участвую ни в какой светской жизни. Меня приглашают на какую-нибудь презентацию, встречу в ресторане, премьеру. Я на это не хожу. Может, это лень, может, это присутствие на людях, это какая-то работа. Я не могу побыть самим собой и отключиться. Это опять приходится трудиться, а иногда общаешься с лицемерием. Поэтому не очень этого хочется. Но считаю, что это часть моей профессии. А я эту часть профессии от себя убираю, это плохо. Моя профессия - публичная. И мне обязательно надо быть на кинофестивале, на премьере в Доме кино, на какой-нибудь презентации. Много разных приглашений поступает, но я не хожу, за что себя ругаю.

- Какой кухне отдаешь предпочтение?

- Так как вырос на Востоке, очень люблю восточную кухню. Плов, манты...

- Тебя узнают на улице? Как на это реагируешь?

- Узнают, а реагирую на это очень плохо, когда к тебе относятся как к какому-нибудь экзотическому животному в зоопарке. Я уважаю в людях воспитание. Когда просто узнают, это еще хорошо. Когда начинают тыкать пальцем и что-то о тебе говорить и не понятно что... При тебе обсуждать тебя - это плохо. Когда звонят на телефон, откуда-то узнают номера, это тоже плохо. Все-таки нужно иметь уважение к себе.

Хорошо, когда у тебя есть не поклонники, а почитатели. Это два совершенно разных смысла. Есть люди, которые воспринимают тебя идолом или сопо-

В фильме Ночной дозор

В фильме Турецкий гамбит

ставляют тебя с твоим персонажем и поклоняются. А есть почитатели. Это люди, которые положительно к тебе относятся, которые ни в коем случае не побеспокоят твою ауру. Они будут более уважительно к тебе относиться.

- Почему ты сейчас мало снимаешься в кино?

- Все просто - мало предлагают хороших сценариев.

- Ты веришь в приметы? Говорят: если упал сценарий - надо срочно на него сесть.

- Никогда в жизни не делал ничего подобного! Представляешь, насколько должен быть не уверен в себе актер, если он считает, что от этого зависит его роль? Ну, абсурд же!

- Как считаешь, ты по жизни счастливчик?

- Да! Я доволен тем, что происходит в моей жизни. На судьбу не сетую. Ни с чем не борюсь. Если что-то предначертано человеку, значит, так оно и должно быть.

- В твоей жизни ведь были и непростые периоды, когда ты переехал в Москву из Ташкента, начал все с нуля.

- Мне понадобилось года три, чтобы я примирился с новой действительностью. Во-первых, была социальная неустроенность: отсутствие жилья, заработок. Во-вторых, я приехал в Москву уже в зрелом возрасте: мне было 37 лет, я был сформировавшимся артистом - и оказалось сложным начать жизнь заново, с белого листа. Не каждому удается преодолеть эти трудности.

- Гордыня мешает?

- Может быть. В той, прошлой жизни я играл в сезон по две главные роли. А когда перебрался в Москву, то, вполне естественно, никому не был нужен. Конечно, можно было бы жить прошлыми успехами и заслугами и, сидя в коммуналке, просматривать свои старые театральные программки, рецензии и фотографии. Вспоминать, как все было, и оставаться на одном месте. Но жизнь хороша в развитии, и я для себя решил: нужно начать все заново. После главных ролей в Ташкенте я не гнушался выходить в Москве в массовке, играть слуг. Это несколько меня не ущемляло. Я понимал, что новая жизнь диктует новые условия. Нужно их принимать и идти к поставленной цели. Другого выбора у меня не было.

- Не возникло желания в один момент бросить все и вернуться?

- Вернуться в Ташкент можно было в любой момент, но в чем тогда был смысл отъезда? Если уж приехал, значит, нужно осваивать это пространство. Конечно, я переживал, когда был невостребован. Мужской состав театральных трупп был укомплектован, к новому неизвестному лицу относились настороженно. И хотя, конечно, очень тосковал по театру, к счастью, появились предложения в кино. Тем более что там я уже был немного известен благодаря рекламным роликам банка «Империал», которые снял мой замечательный друг Тимур Бекмамбетов. Он, кстати, был одним из инициаторов моего переезда в Москву и очень мне помог на первых порах.

И посыпались предложения, на меня обратил внимание театр. Началось все

с Нового драматического, потом был Et Cetera, Театр имени Пушкина, а теперь «Ленком».

- Есть ощущение, что театр - это твоя семья?

- Нет, это место работы. Хотя, конечно, о театре я думаю всегда. И я, безусловно, люблю его больше, чем кино, потому что театр - живой организм, в нем происходит энергетический обмен и постоянный контакт со зрителем - безусловным участником спектакля. Сегодня он отреагировал на одну реплику, а завтра на другую. Это и есть жизнь.

- Как твоих предков занесло в Ташкент, где ты и появился на свет?

- Корни у меня польские. Мой предок Вержбицкий в конце XIX века занимался торговлей. Шел с караваном по знаменитому Шелковому пути, по дороге из Самарканда в Ташкент приболел. А моя прабабка, простая русская женщина, выходила его. Они стали жить вместе, родилась моя бабушка. Такая существует семейная легенда.

- Не устал играть отрицательных персонажей?

- Я смиряюсь с тем, что в кино это мой крест. Первое время я переживал по этому поводу, а потом понял, что есть определенные законы, по которым живет кино. И даже хорошо, что все сложилось именно так. Значит, у меня есть своя ниша в кинематографе. Я хорошо понимаю эти жанры - экшен, триллер, хоррор и знаю, как в них существовать, в каком направлении сочинять роль. С точки зрения профессии мне это интересно, потому что каждый раз ищешь новое содержание и выразительные средства.

- Постоянно играть злодеев, наверное, не очень приятно...

- Согласен, но я для себя разгадал, в чем интерес. В жизни я совершенно не похож на своих персонажей.

- Да, ты производишь впечатление доброго человека.

- Когда играешь злодея, весь негатив, что в тебе накопился, отдаешь этой роли, вымещаешь на персонаже все плохое. Я ведь живой человек со своими недостатками и достоинствами, плюхами и хорошими качествами. В общем, все отрицательное я передаю своему герою. И происходит некое очищение. Мне это представляется интересным и забавным.

- Тебе в жизни встречались гении?

- Не знаю, можно ли человека признать гением при жизни. Мне кажется, это выясняется со временем.

- Если бы ты взялся за написание книги, о чем бы она была?

- Я бы написал единственную строчку: «Не берись за то, чего не умеешь». Сказать-то мне есть что, но нужно еще и умение выразить свои мысли.

- Ну, так многие сами и не пишут. Наговорили литературному редактору на диктофон, а тот потом переносит слова на бумагу.

- Ну, да, вот поэтому у нас такие результаты во всем! Человек должен быть профессионалом в своем деле. Редко бывает, когда человек развит сразу в нескольких сферах. Как, например, Леонардо да Винчи, который был и художником, и ученым, и изобретателем. Кстати, это один из признаков гениальности. Как видишь, время все расставляет на свои места. А у нас что получается? Сегодня он снимается в кино, завтра сам становится режиссером, послезавтра книгу пишет - и выходит так себе, посредственно.

- Ты говорил, что знаком с Джоном Траволтой...

- Да, но это история для семейного альбома. Если бы я всем рассказывал, с кем общался в Голливуде, у кого из великих бывал в гостях на их виллах... Многие артисты этим пользуются, а я не буду. Глупо, когда актер кичится тем, что гостил у Миллы Йовович или сидел в ресторане с Родригесом или Тарантино. Нужно гордиться своей работой, а не знакомствами.

- У тебя бывает предчувствие, какой твой фильм станет популярным, а какой нет? Успех можно заранее предугадать?

- Нет. Моя интуиция работает на процесс, а не на результат. Вот встретился я с интересным человеком и понимаю: было бы хорошо поработать с ним. А получится фильм или нет, я это никак не прогнозирую. Это все очень, мне кажется, случайные вещи.